

Однажды, Читан вышел из Книги в середине. Он немного устал. Прошло совсем немного времени, но чтение Книги утомило его разум. Он повернул голову и слегка надавил на глаза.

"Что ты находишь?"

"Это интересно. Этот мальчик, который хочет стать монстром... да, это интересно."

Ласкалл, стоявшая рядом с Читаном, бросил на него любопытный взгляд.

"Однако, разве ты не предпочел бы съесть это, а не читать? Разве это не твоя способность?"

Читан ответил, снова потянув пальцы.

"Читать это тоже интересно. Честно говоря, я устал просто есть."

В то время на спокойном море внезапно появилась огромная волна. Она намочила труп мальчика, лежащего рядом с Читаном и Ласкаллом, и отступила.

Пальцы Читана снова коснулись Книги Энлайка.

И после того, как Энайк увидел улыбку Кьюмолы, следующие дни прошли обыденно, без каких-либо изменений. Каждый день он просто сидел на берегу, проводя свое Магическое Обсуждение и улучшая силу и точность своей молнии. В течение некоторого времени ночных боевых тренировок не было. Эти дни можно было назвать мирными, если смотреть на них с извращенной стороны.

"Достаточно на сегодня", — объявил Борамот. Энайк и остальные открыли глаза и встали. Борамот, как обычно, начал свою проповедь перед ними.

"Ни у кого из вас сегодня не получилось завершить Обсуждение. Мое терпение на пределе, когда я наблюдаю за вашим неприглядным выступлением. Если вы не хотите быть убитыми, становитесь сильнее. Те, кто не сможет, умрут. Не забывайте об этом. Вот и все".

Проповедь Борамота закончилась, и группа разошлась. Энайк и остальные, как обычно, начали возвращаться в свои пещеры.

"Эй, Энайк", — окликнул его Борамот, когда Энайк собирался уходить.

"Что случилось?"

"В последнее время ты какой-то странный".

"Что?"

Endlike в недоумении повторил вопрос. Хотя скорость его роста несколько замедлилась, он все еще продолжал расти и крепнуть.

«В последнее время ты не читал Книги о Хамюц».

«Да».

Поразмыслив, он пришел к выводу, что он не столько не читал их в последнее время, сколько забыл об их существовании.

«Ты уже запомнил все способности Хамюц? Больше не нужно их изучать?»

Борамот ошибался. Целью Эндлайка при чтении Книг о Хамюц было совсем не изучение ее способностей. Ему хотелось увидеть ее улыбку.

Поскольку отрицать это было бы неприятно, он решил не спорить и ответил:

«Да, все так».

«Хм...ладно. Продолжай усердно работать, чтобы стать настоящим монстром».

Они разошлись и направились каждый к своему жилищу.

Когда Эндлайк вернулся, Кумола, по какой-то причине находившаяся у костра, держала в руках молоток.

«Прости, что я расколола твою кружку, Каяс-сан. Я попытаюсь ее починить».

«Вот блин, как жаль».

Каяс почесал в затылке.

"Что же я теперь сделаю?"

"Пожалуйста, воспользуйтесь лучше вот этим."

"Это что за пузырек? Какой-то странный запах..."

"Извините!"

"Ай, да ладно."

Каяс и Кьюмола беседовали между собой в непринужденной манере. Энайк пристально наблюдал за ними, сидя рядом.

С того дня, как он увидел улыбку Кьюмолы, в нем многое изменилось — он стал неотрывно следовать за ней взглядом. Всякий раз, когда они оказывались в одном месте, он неотрывно смотрел на ее лицо и движения.

Внезапно Кьюмола почувствовала на себе чей-то взгляд. Их глаза встретились, и это заставило ее тело содрогнуться. Испуганная Кьюмола спряталась за спиной Каяса.

"..."

Энайк отвел глаза в сторону.

"Ну что ж, пора обедать. Давайте есть как следует, пока не задохнемся!"

С этими словами Каяс приступил к обычной трапезе. Они, как водится, сложили остатки военного пайка на ткань, лежавшую посередине.

А затем произошло нечто необычное.

Когда Энайк почти закончил свой обед, у него во рту еще оставался кусок. Он решил положить его на ткань для Кьюмолы. Все в этот момент смотрели на него как замороженные.

"

"Что случилось, Энлайк?" - спросила Кайяс, не задумываясь.

"Ничего", - ответил Энлайк.

"Эм, Энлайк-сан, вам не нужно беспокоиться обо мне...", - сказала Кьюмола тихим голосом.

"...Понятно."

Ощущая себя немного одиноким, Энлайк взял то, что положил на ткань, и бросил себе в рот. Это было отвратительно, как обычно.

Он подумал о том, не попытаться ли поговорить с Кьюмолой. Он ничего о ней не знал. Он знал только её улыбку, которую он видел лишь однажды, и её робкий, мышинный облик.

Энлайк хотел узнать о Кьюмоле больше. Однако она ужасно боялась его. Стоило ему повысить на неё голос, как её ноги начинали трястись. Когда он смотрел на неё, Энлайк колебался, стоит ли пытаться поговорить с ней.

Когда время еды закончилось, группа начала болтать. В это время Кайяс перекидывался парой слов с остальными. Кьюмола сидела совсем одна рядом с ним.

"Теперь, когда я об этом подумала, Кьюмола", - открыла рот Кайяс.

"Я хочу посмотреть твои сокровища".

"Чего?"

«Это ведь все вам вручили, верно? Покажите нам».

Кьюмола слегка кивнула и побежала в свою пещеру.

«Вот они».

Она вынесла из пещеры небольшой мешочек. Положила его в центре круга и сама села туда же. Она села так, что спиной оказалась к Энлайку, сидевшему чуточку поодаль.

«Ничего так».

«О, это то, что дал я».

«Кто дал вот это?»

Группа весело общалась. Кюмоле, которая находилась в центре внимания, тоже, кажется, было весело. Однако Энлайк не мог принять участие в разговоре. Молча он просто пялился на маленькую спинку Кюмола.

Ощувив одиночество, он наконец встал со своего места. Пока Кюмола и все остальные увлеченно болтали между собой, его никто не заметил.

«Что такое, Энлайк?»

Борэмонт показал голову из бревенчатой избы. Энлайк решил подойти к нему.

«Ты хочешь почитать «Записки о Хамюцах»?»

Энлайк отрицательно покачал головой.

«Хм, ну ладно. Заходи».

Энлайку предложили войти. В хижине Борамота было тепло. На его столе стояли полусъеденный мясной консерв, кукурузный суп и бутылка с алкоголем.

«Что такое? Неужели ты хочешь кого-то убить?»

Энлайк покачал головой.

«Что случилось, Энлайк? Ты в последнее время странно ведешь себя».

«У меня вопрос. Почему здесь Кумола?»

«Что?»

Борамот нахмурился.

«Что не так с Кумолой? Что ты сделаешь с этой информацией?»

«Ничего».

«... Ну ладно».

Борамот отпил из бутылки и начал говорить:

«Она такая же Мясная, как и вы, ребята. Поскольку ее разум все еще близок к человеческому, я привел ее, думая, что она может быть полезна».

«И?»

«Вот и все. Почему ты спрашиваешь?»

— скучающим тоном сказал Борамот. Энлайк задумался.

«Все, кажется, заботятся о ней. Почему это так?»

Когда Энлайк сказал это, Борамот выглядел еще более скучающим.

«Что, ты тоже начал интересоваться противоположным полом?»

Такая манера речи была неприятна как никогда.

«Я не то имел в виду. Я просто спрашиваю, почему все так заботятся о ней».

Воспользовавшись очередным глотком алкоголя, Борамот ответил:

"Они — кучка мужиков, застрявших на острове, и не подозревающих о существовании другого мира. Даже такая мышь, как она, привлечёт их внимание."

Энлайк обидело, что он назвал её мышью. Он и сам так о ней думал, но, когда это произнёс Борамот, ему стало неприятно.

"Я однажды видел, как она улыбается."

"И что с того?"

"А с чего бы ей улыбаться?"

Борамот фыркнул, услышав вопрос Энлайка.

"Потому что она мышь. Дай ей поесть — она тут же заулыбается. Вот и всё."

Борамот залпом допил остатки спиртного, словно говоря, что разговор окончен. Энлайк почувствовал, что его взгляд велит ему убираться восвояси, если у него нет больше никаких дел.

Однако Энлайк хотел услышать вовсе не это. Он встал, задумавшись о разочаровании Борамота.

Вернулся он к костру. Костер уже догорал, а Кумолы и остальных нигде не было видно. Уставившись на тлеющие угли, Энлайк вспомнил миниатюрную спину Кумолы и легкую улыбку, которую он успел заметить на ее лице в тот день.

— Кумола...

Он произнес ее имя тихим голосом. Но в ответ — тишина.

Взгляд Энлайка метнулся к небу. Он заметил одинокую летящую птицу.

Он пустил молнию. Ночное небо на мгновение озарилось ярким светом, и птица свалилась вниз, камнем летя к земле.

Энлайк посмотрел на перья птицы, которая упала ему под ноги. Эти голубоватые перья были очень красивыми. Он схватил птицу за шею и выдернул слегка опаленное перо.

Дни сменяли друг друга, но ничего не менялось.

Способности Энайлика заметно ухудшились. У него не получилось усилить свою магию с помощью Созерцания и даже использовать удары молнии, которые он так упорно оттачивал до сих пор. Также в тот день его молния, которая должна была пролететь около пяти метров, ударила в непосредственной близости от него.

Тело Энайлика отскочило и упало на песок. Борамот спешно подбежал к нему.

“Что стряслось, Энайлик?”

Тон Борамота был суровым. По мере ухудшения способностей Энайлика, Борамот также перестал относиться к нему по-особенному. Его голос звучал так же, как когда он разговаривал с другими ребятами, — в нем смешивались презрение и гнев.

К счастью, ему удалось избежать прямого попадания. Энайлик поднялся, пошатываясь.

“... На сегодня хватит. Возвращайся и пусть Кумола позаботится о тебе”.

“... Эй, Энайлик. Возьми себя в руки”.

Сказав это, Каяс попытался протянуть ему руку помощи.

“Он может обойтись сам. Продолжайте Созерцание!”

Голос Борамота эхом разнесся по пещере. Энлайк встал и поволок свое измученное тело обратно в пещеру, где находилась Кумола.

— Энлайк-сан...

Кумола подошла к раненому Энлайку, возвращавшемуся в пещеру. Затем он спокойно дал ей указания.

— Сначала принеси воду. Нужно охладить рану, а потом я тоже немного попою. Потом используй лекарство.

Как ей было сказано, Кумола охладила рану и нанесла лекарство. Движения ее рук и выражение лица были неуклюжими. Видеть, как она боязливо касается его, было немного грустно.

Вокруг никого не было. Энлайк подумал: «Может быть, теперь я могу поговорить с ней».

Боязливо, чтобы не напугать Кумолу, Энлайк тихо произнес:

— ...Кумола.

Кумола начала еще более жалко дрожать.

— ...Что такое?

Она спросила тонким голосом.

— Я страшный?

Немного подумав, она ответила:

— Да.

— Почему?

— Все говорят, что ты страшный.

— Что они говорят?

"Говорят, ты любишь убивать и думаешь только о том, кого из них хочешь убить".

Это было неправдой. Энлайк хотел ей сказать, но не сделал этого. Если бы он такое сказал, это было бы равносильно заявлению, что он не монстр.

Если бы он стал монстром, он смог бы улыбнуться. Но Энлайку до сих пор было жаль.

"...Марлин-сан, Вейзач-сан и Лонкенни-сан, все они были убиты тобой..."

"У меня не было выбора".

Ответил Энлайк.

"Мы все здесь для того, чтобы стать монстрами. Если мы не сможем стать монстрами, мы просто умрём".

"..."

Кьюмола не ответила, и Энлайку снова стало грустно. Он хотел услышать хоть какое-то подтверждение или даже отрицание. Молчание отвергало его куда жёстче, чем что-либо.

Даже сам он не знал, что сказать. Она прикладывала ему лекарство на ватке.

"У меня есть вопрос".

"Какой?"

"Когда-то я видел, как ты улыбалась. Хочу знать, почему ты улыбалась".

Руки Кьюмолы замерли.

"Такого не было. Я давно не улыбалась".

"Ты помнишь ракушку Лонкенни?"

«...Да».

«Я видел, как ты улыбалась, когда Каяс её тебе отдал».

«Неужто?»

Кумола ответила, будучи смущённой.

«Я улыбалась?»

«Вспомнила сейчас? Почему тогда ты улыбалась?»

«Когда я ракушку получила, я подумала, может быть, Лонкенни-сан ещё жив».

«Только и всего?»

«...Только и всего».

Энлик был немного разочарован. Неужто всё? — подумал он про себя.

«Что тебя заставит улыбнуться?»

«Если все останутся живы, вот тогда буду рада».

«Понятно».

Процедура уже завершена. Энлик встал и повернулся к Кумоле.

Чувствую, что что-то понял.

Кумола могла улыбаться, потому что были те, кто о ней заботился.

Этого не скажешь об Энлике. Его никто не любил, и потому он улыбаться не мог.

Для Энлика, что был совершенно один, единственным способом улыбаться была борьба. Как сказал Ганбанзель, как сказал Борамот, ему улыбаться можно будет только сражаясь и убивая.

Однако, он также чувствовал, что что-то не так.

Разве это было его целью на самом деле?

Он выбросил вопрос из головы. Это единственное, что он мог сделать.

С того дня Кюмола избегала Энайка даже чаще, чем обычно. Энайк грустил, но больше не пытался заговорить с ней.

Прошло еще какое-то время.

Рост Энайка по-прежнему был медленным. Кто-то в группе начал его догонять.

Например, Сасари. Его способность позволяла ему управлять водой. Мощь создаваемых им высокоскоростных водяных пуль превосходила силу обычного пистолета.

Хотя он уступал Энайку в его умении наносить смертельные удары, радиус и область его атак были лучше, чем у молнии.

Как-то Сасари неожиданно заговорил с ним.

«Сегодня вечером. Мы с тобой».

Давно уже не было тренировочных боев. Их больше не проводили ради Энайка. Это будет борьба за выживание. За право стать монстром. Сасари или Энайк.

Сасари не мог скрыть волнения на своем лице. Наверное, еще и поэтому он дрожал.

«Я с нетерпением ждал этого дня», — сказал Сасари. — «Почему?»

«Кьюмола будет рада, если ты подохнешь».

Это сказал улыбающийся Сасари. Упоминание имени Кьюмолы сильно расстроило Энлика.

«Почему?»

«Сам знаешь. Кьюмола тебя ненавидит».

«Это неправда», — хотел он сказать, но не сказал. Однако у Кьюмолы были причины ненавидеть его: он убивал её друзей.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/92625/3015124>